

Мосейкин Юрий Никитович

КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО МИРА: ПОСТРОЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ

В статье проводится анализ эволюции теоретических концепций формирования постиндустриального общества, приводится обзор взглядов современных российских исследователей на различные аспекты создания основ перехода к новым, постиндустриальным стадиям развития, дается характеристика факторам и движущим силам процесса глобализации экономики, раскрывается роль международного финансового капитала в определении условий взаимодействия со странами периферии на основе навязываемой неолиберальной парадигмы развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. III. С. 122-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

STATE FAMILY POLICY REGIONAL ASPECT IN THE 1990S-2000S (BY KHAKASSIA REPUBLIC EXAMPLE)

Natal'ya Anatol'evna Morozova

Agricultural College
Khakass State University named after N. F. Katanov
natashaamor@yandex.ru

The article reveals the factors which negatively influenced family development in the 1990s. The author pays special attention to Khakassia social-demographic development in the 1990s-2000s and considers regional family policy formation including its legislative base.

Key words and phrases: family policy; birth rate; goal-oriented programmes; social policy; maternity; childhood.

УДК 330.342.24

В статье проводится анализ эволюции теоретических концепций формирования постиндустриального общества, приводится обзор взглядов современных российских исследователей на различные аспекты создания основ перехода к новым, постиндустриальным стадиям развития, дается характеристика факторам и движущим силам процесса глобализации экономики, раскрывается роль международного финансового капитала в определении условий взаимодействия со странами периферии на основе навязываемой неолиберальной парадигмы развития.

Ключевые слова и фразы: постиндустриальное общество; дуалистическая система «ядро–периферия»; страны периферии; глобальная экономика; глобализация; неолиберализм; международный финансовый капитал.

Юрий Никитович Мосейкин, к.э.н., доцент

Кафедра макроэкономического регулирования и планирования
Российский университет дружбы народов
y.moseykin@rudn.ru

**КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО МИРА:
ПОСТРОЕНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ®**

Во все времена передовая часть человечества пыталась заглянуть в будущее, предсказать основные черты нового социально-экономического уклада. На протяжении прошлого века было выдвинуто большое количество теорий, делавших попытки описать происходившие в мире и обществе процессы и спрогнозировать пути их дальнейшего развития. Согласно «Политэкономическому словарю» 1972 года издания под редакцией профессоров Е. Ф. Борисова, В. А. Жамина и М. Ф. Макаровой, на тот момент это были теории: «государства всеобщего благоденствия», «диффузии собственности» (или «демократизации капитала»), «индустриального общества» (упомянуты Р. Арон, Д. Гэлбрэйт, У. Ростоу), теория конвергенции (Р. Арон, Дж. Гэлбрэйт, А. Бергсон, Ф. Перру и др.), «кооперативного социализма», «народного капитализма», «организованного капитализма» (выдвинутая одним из лидеров германской социал-демократии Р. Гильфердингом), теория «планового» или «регулируемого» капитализма (А. Хансен, Самуэльсон и др.), «революции в доходах», теория «революции в управлении» (впервые она была выдвинута в 30-х годах американскими буржуазными социологами Дж. Барнхеймом, А. Берли, Д. Минсом), теория «рыночного социализма», теория «ультра империализма» (сформулированная одним из лидеров II Интернационала К. Каутским [19, с. 305-308]), теория «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства».

Первое упоминание о теории постиндустриального общества в советской научной литературе, появившееся в 1983 году (в год, когда был введен в научный оборот термин «глобализация»), произошло в статье, посвященной теории индустриального общества, и то мимоходом [18, с. 140]. Теория постиндустриального общества (основоположником которой является американский социолог Д. Белл, опубликовавший в 1973 году в Нью-Йорке свою знаменитую книгу, а именно *The Coming of Post-Industrial Society: a Venture in Social Forecasting* (первое русское издание с новым предисловием автора – в 1999 г.; второе – в 2004 г.)) объяснялась лишь *разновидностью* теории индустриального общества (в качестве других разновидностей упоминалась теория «технотронной эры» З. Бжезинского). В. Л. Иноземцев, снабдивший второе русское издание книги Белла обширным вступительным очерком [6, с. IX-LXXXIV], был, следовательно, не первым, кто провозгласил Белла «основателем».

Истины ради следует заметить, что теория (сам Белл считал её *концепцией*) постиндустриального общества не является единой, а представлена по меньшей мере *четырьмя* самостоятельными направлениями,

которые по большому счёту отличаются выбором системообразующего фактора, определяющего *сущностное его содержание* (тот или иной из важнейших признаков нового общества). Одно из них связано с именами американца Ф. Махлупа и японца Т. Умесао (и их последователями), которые в начале 1960-х годов ввели в научный оборот термин «*информационное общество*». Второе направление связано с именем его основателя французского социолога А. Турена, поспешившего обозначить новый нарождающийся строй как особое «*программируемое общество*». В русле этого направления вскоре обособилась третья ветвь, объединившая два вполне самостоятельных новых направления (технотронное и общество, основанное на знании). Четвёртым направлением является модернистское и постмодернистское направления, которые вообще запутались в попытках определения сущностного содержания грядущего нового общества и сроках его появления. Как справедливо заметил В. Л. Иноземцев, «они оказались совершенно не способны определить основные черты будущего социального состояния и указать на его движущие силы» [6, с. XIV].

Известный английский исследователь теории информационного общества Фрэнк Уэбстер в своей монографии «Теории информационного общества» справедливо отмечает, что Белл не смог дать удовлетворительного определения термину «постиндустриальное общество» и фактически, в конце концов, остановился на том, что постиндустриальное общество является синонимом информационного общества. Уэбстер считает концепцию постиндустриального общества Белла несостоятельной именно потому, что Белл не сумел дать сущностное определение термину «постиндустриальное общество». По мнению Уэбстера, «Белл не привел весомых доказательств тому, что развитие информационной сферы означает наступление «постиндустриального общества» [23, с. 79]. Кстати говоря, большой поклонник Белла и упоминавшийся автор предисловия к изданию его книги 2004 года В. Л. Иноземцев признаёт, что в своем труде Белл даёт термину «постиндустриальное общество» более сорока (!) определений [5, с. 4].

Тем не менее, на наш взгляд, значимость и универсальность концепции Белла заключается в том, что она предоставляет в распоряжение современных исследователей *наиболее общий инструмент* социально-экономического поиска, не ограничивая его жесткими рамками, которые были присущи многим другим концепциям. Теория постиндустриального общества является относительно схематичным, но одновременно весьма реалистичным наброском картины исторического пути, пройденного человечеством и *эскизом контуров будущего социального состояния* (переход к которому осуществляется в современную эпоху).

Сам Белл подчеркивал, что постиндустриальное общество является «идеальным типом, построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе, которые, сведенные воедино, становятся более или менее связанными между собой и могут быть противопоставлены другим концепциям» [1, с. 561].

В 1998 г. Д. Белл дал характеристику произошедшей в 80-90-х гг. XX в. трансформации в мировой экономике [Там же, с. 18]. «В течение двухсот лет, пишет Д. Белл, существовала международная экономика, в которой несколько стран составляли *ядро*, а остальные *периферию* (курсив наш – Ю. М.). К первым относились, в основном, Великобритания, Соединённые Штаты и, в какой-то мере, Германия и другие страны Западной Европы. Периферией оставались Азия, Латинская Америка и Африка.

На первые государства приходилась львиная доля промышленного производства. Страны *периферии* поставляли сырьё, часть из них при этом оказывалась источником эмиграции и дешёвой рабочей силы, а другие представляли собой рынок сбыта готовой продукции. Существовало разделение труда, в основе которого, согласно экономической теории (хотя и изменённой под давлением политических обстоятельств) лежала *сравнительная выгода*, то есть страны производили то, что они могли производить наилучшим образом, в зависимости от наличия у них ресурсов, технологий и квалифицированной рабочей силы.

Страны стремились «пробриться» в международную экономику, поднимаясь по ступеням «технологической лестницы». Существует так называемая «технологическая лестница», в соответствии с которой можно составить схему сдвигов или изменений в экономике любой страны, которая включает в себя следующие ступени: 1) ресурсная база: сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность; 2) легкая промышленность: текстильная, обувная и пр.; 3) тяжёлая промышленность: металлургия, судостроение, автомобилестроение, машиностроение; 4) «высокие технологии»: измерительные приборы, оптика, микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации; 5) отрасли, базирующиеся на научных достижениях будущего: на биотехнологии, материаловедении, космических исследованиях и т.д. [Там же, с. CXXIV-CXXX].

Глобальная экономика в корне отличается от международной. Это *единая* (курсив самого Белла) система хозяйства, объединение рынков капитала, валют и товаров, а также рост того, что Белл называет *распределением производства*. Международная экономика, безусловно, продолжает существовать. Крупные компании и даже многонациональные корпорации, считает Белл, всё ещё располагаются преимущественно в одной стране и расцениваются как бастионы экономики данного государства, хотя и осуществляют продажи по всему миру. Но они также с неизбежностью вовлекаются в глобальную экономику [Там же, с. XXVII].

При этом, подчёркивает Белл, они вовлекаются в глобальную экономику не только в области продаж, но и в области производства. Наиболее грандиозные перемены происходят на фондовых и валютных биржах. Границы между странами, утверждает Белл, практически исчезли: «капитал направляется туда, где (при наличии политической стабильности) есть наибольшая отдача от инвестиций или добавленной стоимости» [Там же, с. CIX].

Этот тезис представляется очень важным, поскольку сегодня уже можно констатировать тот факт, что международный финансовый капитал стал не просто пассивным игроком на глобальном рынке, а сам формирует не только экономические, но и политические условия своего участия в экономике отдельных стран.

Таблица 1.

**Динамика мирового ВВП (в ценах по ППС национальных валют 2000 г., млрд. долл.)
и удельный вес групп и отдельных стран (%)**

	1900 г.	1950 г.	1980 г.	2000 г.	2015 г. (прогноз)
Динамика мирового ВВП, млрд. долл.	2590	7555	27105	46580	
Удельный вес групп и стран в мировом ВВП, %					
Развитые страны	60,23	60,69	55,91	52,60	44,53
Развивающиеся страны	25,87	22,24	26,58	39,70	46,62
Латинская Америка	3,47	6,37	8,93	7,60	8,00
США	18,34	28,79	21,36	21,20	18,59
Япония	2,90	2,94	7,75	7,20	5,77
Бразилия	0,58	1,28	2,88	2,50	2,50
Индия	5,87	2,91	2,49	5,20	5,54
Китай	8,11	3,71	2,51	10,70	14,19
Мексика	0,85	1,06	1,97	1,90	2,05

Подсчитано и составлено по: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королёва. М., 2003. С. 503, 509-510; Мир на рубеже тысячелетий: прогноз развития мировой экономики. М., 2001. С. 540, 550-552.

Из приведённых выше рассуждений Белла о возможных определениях сущности постиндустриального общества следует, что постиндустриальное пространство составляется на нынешний момент из территорий либо суммы наиболее развитых стран Запада (по критерию размеров сферы услуг), либо только США и Японии (по критерию величины и возможностей научного потенциала). В предисловии к русскому изданию 1999 года Белл говорит о том, что в течение 200 лет существования «всемирная экономика действовала в системе «ядро» (несколько стран, а именно, Великобритания, США, а также Германия и другие страны Западной Европы) и «периферия» (все остальные страны и зависимые территории)» [Там же, с. СХХVI]. Что касается эпохи глобализации, то международная экономика, по его мнению, составляет единую систему, где границы между странами стерты (или стираются) и поэтому дуализм «ядро»-«периферия» отходит в прошлое.

И это еще один заслуживающий внимания тезис Белла. Правда в отличие от первого (о роли международного капитала), не вызывающего больших возражений, это утверждение Белла о том, что в глобальной экономике стирается противоречие между «ядром» и «периферией», выглядит, пожалуй, опрометчиво. На анализе этих противоречий и сохраняющем дуализме в отношениях между странами ядра и остальными странами периферии мы остановимся несколько позже.

Российский учёный Д. К. Чистилин в своём исследовании «Самоорганизация мировой экономики: европейский аспект» пишет: «Известно, что международное движение ресурсов в виде международной торговли, миграции, а затем и международного движения капиталов, складывалось сперва между Европой и её колониями, по мере деколонизации их основной объём (более 50%) пришёлся на отношения Европа–США в период XIX–XX вв. до окончания Второй мировой войны. Далее сложились отношения между тремя регионами мира: Европа–США–Япония (так называемая «триада»). На долю отношений между тремя указанными регионами приходится свыше 50% мировых торговых и финансовых отношений и сегодня. Учитывая изложенные выше факты, многие исследователи как ядро развития современной мировой экономики и международных экономических отношений рассматривают отношения между странами Западной Европы, США, Канадой, Японией...» [24, с. 120].

Целый ряд западных исследователей проблем глобализации мировой экономики в своих работах приходят к выводу, что *globalization is not really global* – глобализация на самом деле не столь всеобъемлюща (см.: Mittelman J. The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. Princeton, 2000; Rugman A. The End of Globalization: a New and Radical Analysis of Globalization and What it Means to Business. L., 2000; etc.). Известный английский экономист Алан Рагман ограничивает зону активной глобализации пространствами «узкой» и «широкой» триад. Под первой он подразумевает систему США–ЕС–Япония; под второй – указанную систему с добавлением, во-первых, Канады и Мексики (образующих с США Североамериканскую зону свободной торговли); во-вторых, Китай, Индию и некоторые НИС Юго-Восточной Азии (т.е. страны либо тесно связанные производственно-кооперационными связями с США и западноевропейскими странами по линии производственно-сбытовых цепей ТНК и финансовых сетей ТНБ, либо, как в случае с Китаем и Индией, обладающих растущим крупномасштабным внутренним рынком и поэтому ставших целями перспективного «освоения» для международного транснационального финансового капитала). Как утверждает Рагман, за пределами

указанных триад остальные страны мира особого интереса для указанных американских и западноевропейских стран не представляют (разве что только как для сбыта устарелой технологии и в качестве сырьевых поставщиков). Указанные триады становятся (либо уже стали) зонами внутриотраслевой специализации и кооперации транснационального производственного цикла крупнейших ТНК и финансовых операций крупнейших ТНБ. И, если внимательно ознакомиться с определениями постиндустриального общества Белла, то можно смело предположить, что триадами Рагмана зона распространения этого общества (во всяком случае на обозримую перспективу) будет ограничена, и доступ в неё другим странам будет резко ограничен.

В связи с этим хотелось бы сделать несколько замечаний.

Во-первых, новые индустриальные страны, которые, по мнению Рагмана, могут быть включены в понятие «широкой триады», в недалеком прошлом абсолютно не привлекали внимания лидеров мировой экономики. А это может означать, что не исключается появление новых стран, пытающихся заявить свои претензии на включение в этот элитный список. Примером тому может служить появление группы стран БРИК (Бразилия, Индия, Китай и Россия), которые также не были до недавнего времени предметом внимания с точки зрения охвата «постиндустриализма».

Во-вторых, утверждение Рагмана об ограниченности круга стран, вставших на путь постиндустриального развития, как раз и опровергает тезис Белла об уходе в прошлое дуалистической системы «ядро-периферия».

И, в-третьих, если обратиться к известной работе Г. Мюрдаля «Драма Азии» [16, с. 441], то из анализа предложенной им модели можно сделать далеко идущие выводы не о замкнутости, а, наоборот, о потенциальной открытости списка стран, формирующих так называемую современную «триаду». В своей модели Мюрдаль на примере многих стран показал, как с помощью специализации и эффекта масштаба незначительные преимущества стран и отдельных территорий со временем могут вырасти и быть преумножены.

Можно говорить о том, что существовавшая до недавнего времени дуалистическая система «ядро-периферия» не уходит в прошлое, а трансформируется в новую так называемую современную «триаду», - «широкую триаду» - состоящую из развитых, развивающихся и новых индустриальных стран, активно вступающих на путь постиндустриального развития (в отличие от обычного понимания триады как системы трех центров развития: США-Европа-Япония).

Можно с уверенностью сказать, что экономическая глобализация существенно меняет баланс в соотношении межотраслевой и внутриотраслевой специализации в рамках МРТ именно по той простой причине, что интернациональный финансовый капитал функционирует на мировом рынке как через посредство мировых производственных сетей крупнейших ТНК, так и при прямом участии в воспроизводстве создаваемых условий функционирования и развития этих сетей мировых объединений ТНБ и различных международных альянсов корпораций.

Всё более решительным образом ТНК наиболее развитых стран (в первую очередь, США, Японии, Германии, Великобритании, Франции и Италии) *выносят часть своего производственного потенциала* в развивающиеся страны и т.н. «новые индустриальные страны» (а после развала мировой социалистической системы также в некоторые постсоциалистические страны). Речь идёт, как правило, не о предприятиях высоких технологий или инновационной сфере, а о т.н. «грязных производствах». Этим в значительной степени объясняются и два характерных феномена конца XX – начала XXI вв.: повышение доли ряда стран периферии в мировом промышленном производстве, осуществляемое скорее за счёт выноса части национальных промышленных производств развитых стран за пределы их национальных территорий и увеличение их же (этих стран периферии) доли в мировом экспорте (по сути это всё тот же итог деятельности ТНК, но уже на территории других стран, в рамках глобальной производственно-сбытовой сети этих ТНК). Эти тенденции сегодня достаточно хорошо изучены и подробно описаны в многочисленных работах как зарубежных, так и российских исследователей, а потому мы не будем подробно на них останавливаться.

Понятно, что после 1991 года в России возросло внимание к концепции постиндустриального общества. Известный российский политэконом О. Ю. Мамедов обращает внимание на то, что постиндустриальное общество – это социальное общество, приходящее на смену *классическому капитализму* [14, с. 131].

В упоминавшемся предисловии к русскому изданию 1999 года (оно помещено и в издании 2004 года) Даниел Белл пишет: «Постиндустриальная или информационная эра наступает в результате длинной цепи технологических перемен. Не все страны – и к настоящему времени лишь немногие – готовы к вступлению в неё. Если мы определим индустриальное общество как такое, где произошел сдвиг от промышленного производства к сфере услуг, то получится, что Великобритания, почти вся Западная Европа, Соединённые Штаты и Япония вступили в постиндустриальный век. Но если мы определим информационное общество как такое, в котором существуют научный потенциал и способность трансформировать научные знания в конечный продукт, называемый обычно *высокими технологиями*, то можно сказать, что *только Соединённые Штаты и Япония отвечают данному условию* (курсив наш – Ю. М.) [1, с. СХХIX]. Согласно проведённым РАН исследованиям США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Канада, Бельгия, Южная Корея, Ирландия, Израиль и Финляндия (т.е. почти вся «семерка» и еще ряд стран) контролируют 50 критических высоких технологий, в т.ч. 22 – США, 8-10 – Германия, 7 – Япония, по 3 – Великобритания и Франция [21, с. 92].

Российские исследователи определяют постиндустриальное общество как современную стадию социально-экономического развития, на которую вступили индустриально развитые страны Запада и Япония в последней четверти XX в. и считают, что постиндустриальное (т.е. послеиндустриальное) общество имеет различные иные названия, в том числе «информационное общество», «технотронное общество», «научная

цивилизация», «новая экономика», «послекапиталистическое общество», «общество, основанное на знаниях» и т.д. [25, с. 425]. Постиндустриальное общество – более высокая ступень развития по сравнению с индустриальным обществом, приходящая ему на смену. Основной чертой постиндустриального общества следует считать формирование *компьютерно-технологического уклада* (КТУ), для которого характерно производство богатства преимущественно посредством «знаний и информации». Его фундамент составляют наукоёмкие и ресурсосберегающие *высокие технологии*, к которым относятся микроэлектроника, нанотехнологии, робототехника, телекоммуникации, материалы с заданными свойствами, биотехнологии и т.д. По существу, постиндустриальное общество формируется в ходе осуществления нового этапа научно-технической революции, который, мы считаем, следует именовать *научно-производственно-информационной революцией* (НПИР). Она развернулась наиболее явно в последние 20-25 лет XX в. в странах G7, тогда как в большинстве стран мира проявляется весьма фрагментарно и анклавно.

И. В. Пилипенко считает постиндустриальное общество следующей после индустриального общества стадией *общественного развития*, начавшейся в 1970-х годах и связанной с усилением роли третичного сектора, образования, науки в жизни людей, а также с формированием новой постфордистской системой организации производства [17, с. 445]. Постфордизм – система организации производства, пришедшая в 1970-х гг. на смену фордизму, при которой массовое производство сменилось гибкой специализацией на производстве широкого ассортимента товаров, учитывающего запросы потребителей с разными вкусами, за счёт экономии на разнообразии, дезинтеграции вертикально-интегрированных компаний и возникновении разрыва в местоположении капитала и наукоёмких стадий производства, располагающихся чаще всего в развитых странах, и трудоёмкого стандартного производства, перемещённого в развивающиеся страны.

И. А. Стрелец отмечает, что по мере развития информационных технологий и усиления влияния информационных процессов на экономику и общество в целом происходит переосмысление и пересмотр теоретических концепций, отражающих данные события [22, с. 8]. Основополагающая роль научно-технических достижений в развитии общества и личности нашла отражение в различных саиентистских и технических направлениях гуманитарных наук. Стрелец считает, что теории индустриального общества (Дж. Гэлбрейт) и постиндустриального общества (Д. Белл, Д. Рисмен) постепенно *модифицировались* в концепции *информационного общества* и *сетевого общества* [Там же]. На наш взгляд, содержание концепций постиндустриального общества и информационного общества даёт основание употреблять эти термины в качестве *синонимов*.

В. Л. Иноземцев выделяет в формировании постиндустриального общества три этапа: первый (начало – нефтяной кризис 1973 г., окончание – начало 1980-х гг.); второй (начало – 1980-е гг., окончание – 1989 г.); третий – с 1992 г. и по настоящее время [8, с. 724]. Он же определяет и *три основные черты* постиндустриального общества: устранение ресурсных ограничений экономического роста при преобладании в структуре потребления информационных благ; вовлечение все большей части населения в производство высокотехнологичных товаров и услуг и, как следствие, уменьшение зависимости третьих стран от стран-производителей промышленной продукции; новое качество экономического роста, при котором самой эффективной формой накопления становится развитие людьми собственных способностей, а наиболее прибыльными инвестициями – *инвестиции в человека* [7, с. 74-75]. Заметим, что, на наш взгляд, такое понимание сущностного содержания термина «постиндустриальное общество» вполне применимо и к другим терминам-синонимам последнего (что могло бы позволить придти к единой позиции исследователей данного феномена).

Э. Г. Кочетов считает, что *постиндустриальное общество* – это новая стадия техногенного мира, следующая за индустриальным обществом. В различных концепциях постиндустриального общества конца 60-х-70-х гг. XX в., по мнению Кочетова, основой *поступательного развития общества* считается смена различных технологических эпох, а также отраслевое профессиональное разделение труда. Ведущая роль в постиндустриальном обществе отводится сфере услуг, знаниям, науке и образованию [12, с. 609]. Любопытно, что в недавней книге Кочетова «Геоэкономика: освоение мирового экономического пространства» (М., 2006) для термина *постиндустриальное общество* места не нашлось. Однако появился *постиндустриализм* как *завершающий* этап техногенной цивилизации [11, с. 218]. И сообщается, что «кризис постиндустриальной модели проявился по всем её аспектам, символизируя начало распада техногенной модели и формирования нового экономического симбиоза» («неоэкономической модели»). Если «неоэкономическая модель» это «новая экономика», то об этом уже всем известно, а если что-то другое, то что? Несколько излишне концентрируется на социологических аспектах в характеристике постиндустриального общества О. Ю. Мамедов. Он одновременно пытается создать впечатление, что постиндустриальное общество не является социально-экономической характеристикой, и поэтому одни исследователи этого феномена считают его капиталистическим обществом, тогда как другие социалистическим, а третьи чем-то смешанным [14, с. 132-133].

Основной чертой постиндустриального общества, по А. М. Архипову, является формирование *компьютерно-технологического уклада производства*, для которого характерно производство богатства преимущественно посредством *знаний и информации*. Его фундамент составляют наукоёмкие и ресурсосберегающие, так называемые, «высокие технологии». К ним относятся: микроэлектроника, телекоммуникации, робототехника, производство материалов с заранее заданными свойствами, биотехнологии и другие. Информатизация пронизывает все стороны жизни общества: не только производство благ и услуг, но и домашние хозяйства, а также культуру и искусство.

Г. М. Гукасян термин «новая экономика» считает синонимом термина *постиндустриальное общество* (которое он называет *высшей ступенью экономического развития человечества*) [2, с. 122].

Г. М. Гукасян выделяет *три ступени развития производства*: доиндустриальное общество, индустриальное общество и постиндустриальное общество (или «новая экономика»). Постиндустриальная хозяйственная система является (по её словам) *новой* по сравнению с предыдущими. Отличительными признаками постиндустриальной (новой) экономики являются: радикальное изменение роли и места в производстве человеческого фактора и физического труда; изменилась роль собственности на средства производства (в постиндустриальном обществе, по мнению Гукасян, её экономическая значимость стала ниже, чем в индустриальном); изменилась общественная организация производства: в структуре производства стали преобладать сферы услуг, информации и интеллектуального труда; существенно изменилась пропорция в цепочке производства-потребления; существенно изменилась роль институтов, *особенно государственных* (которые призваны стать гарантом экономических, социальных и политических прав личности); постиндустриальная (новая) экономика предполагает создание *открытых национальных хозяйств* (выделено Г. М. Гукасян – прим. Ю. М.) с включением их в мировой процесс *глобализации*. По мнению Г. М. Гукасян, постиндустриальная экономика должна существовать в *форме социально ориентированной смешанной экономики*.

Аналогичной точки зрения придерживается и другой автор недавно вышедшего труда «Новая экономика: методология и модели» А. И. Динкевич, который пишет, что «категория новой экономики характеризует современный этап капиталистического хозяйства в условиях интенсивного научно-технического прогресса с новыми ранее неизвестными производственно-технологическими, институциональными, управленческими, распределительными и перераспределительными и социальными составляющими. Формой реализации новой экономики выступает *регулируемое социально-ориентированное рыночное хозяйство* (курсив – Ю. М.), в рамках которого присущие ему общие закономерности на локальных уровнях модифицируются под влиянием сложных комплексов национальных особенностей и глобализационных процессов» [4, с. 141-142].

Определённые концепции и теории постиндустриального общества активно связывают сущностное его содержание с т.н. *человеческим капиталом*, хотя в отношении самого этого понятия (термина) и существуют очень значительные расхождения (от самых узких до самых широких): например, И. П. Гурова считает, что человеческий капитал – это инвестиции в человеческие ресурсы для повышения их производительности; Е. Е. Румянцева утверждает, что человеческий капитал – это *оценка* воплощённой в индивидууме потенциальной способности приносить доход; М. М. Вышегородцев поступает мудро, предлагая суммировать все затраты на образование, подготовку и переподготовку, науку, НИР и НИОКР, инновации, здравоохранение, культуру и отдых, профессиональные навыки и управление, а также СМИ [3; 21].

По справочнику А. И. Архипова, человеческий капитал – термин, обозначающий накопленные знания, умения и мастерство, которыми обладает работник и которые приобретаются им благодаря общему и специальному образованию, профессиональной подготовке и профессиональному опыту [26, с. 587]. Согласно приведённому в справочнике Архипова факту в развитых странах продолжение образования на один год ведёт к увеличению ВВП на 5-15% [Там же]! По приведённым в журнале МЭиМО данным за последние два столетия структура совокупного капитала в развитых странах Запада и Японии изменилась следующим образом: в 1800 г. физический капитал составлял 78-80%, человеческий капитал – 20-22%; в 1950 г., соответственно, 52-53% и 47-48%; в 1998 г. – 31-33% и 67-69% [15, с. 4].

По состоянию качества *человеческого капитала* страны условного Юга (большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки) значительно уступают странам условного Севера (особенно развитым странам Западной Европы, США и Японии). Это обстоятельство всегда было и остаётся сильнейшим барьером для формирования постиндустриального общества стран Юга. Но, к сожалению, подавляющее большинство стран Юга практически лишено финансовых и организационных возможностей для ликвидации растущего разрыва между ними и развитыми странами, как в области системы образования, так и профессиональной и постуниверситетской подготовки и переподготовки кадров. Более того, значительная доля наиболее квалифицированных и перспективных специалистов стран Юга «утекает» в науку и экономику развитых стран, что резко снижает в странах Юга возможности развития. «Бегство умов» – одна из самых острых проблем стран Азии, Африки и Латинской Америки, а после 1991 года, и стран СНГ.

В 1990 г. в разгар бурного развала мировой социалистической системы и накануне распада Советского Союза Римский клуб собрался на совещание, на котором был заслушан доклад А. Кинга (видного деятеля этого клуба и ответственного за науку и НИОКР в рамках ОЭСР) и Б. Шнейдера под весьма красноречивым названием «Великий переход». В 1991 г. в Москве сжатый вариант доклада был издан (всего 5 тыс. экз.) под названием «Первая глобальная революция».

Даже из весьма хорошо *отредактированной* версии доклада видно, что Римский клуб выдвигает целью радикальную трансформацию социального и экономического облика мира в ходе проекта «Великий переход». Формально речь идёт о появлении информационного или постиндустриального общества и «если руководить им разумно и во время решать его проблемы, то развитие этого общества может во многом улучшить условия существования людей» [10, с. 13]. Об информационном или постиндустриальном обществе Кинг и Шнейдер вспомнили почему-то во второй главе книги, во введении заявили о том, что «*наша цель* – представить себе мир, в котором мы хотели бы жить, оценить материальные, человеческие и моральные ресурсы и, сделав наше представление реальным, мобилизовать энергию людей и политическую волю для создания нового глобального сообщества» [Там же, с. 2]. «Жёсткие перемены наших дней происходят повсеместно. – говорят авторы. – Появляется новое общество из блока старых обществ, зачастую архаичных и декадентских; его развитие сложно и неопределенно. Глобальная революция не имеет идеологической основы.

Она формируется под воздействием геостратегических потрясений, социальных, технологических, культурных и этнических факторов, сочетание которых ведёт в неизвестность», – утверждают Кинг и Шнейдер [Там же].

В утверждение об отсутствии *идеологии (идеологической основы) у глобальной революции* (т.е. «Великого перехода») поверить невозможно. На рубеже 1970-1980-х годов мировая экономика и политика вступили в новый, исторический для человечества этап. Завершился «век кейнсианства» (период господства кейнсианской теории: 40-е – первая половина 70-х гг.). Выход в свет книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.), несомненно, является самым выдающимся событием в истории экономической мысли XX века. Кейнс и его многочисленные сторонники по всему миру «образовали направление, объединённое идеей относительной нестабильности капиталистической экономики и необходимости её государственного регулирования» [9, с. 15].

Период 70-х годов явился, по образному выражению английской экономистки Дж. Робинсон, временем «второго кризиса экономической теории» Запада в XX в. Имелось в виду, что первый кризис в годы *Великой депрессии* поразил прежде всего неоклассическое направление, *концепции невмешательства государства в экономическую жизнь общества*. На этот раз кризис, в первую очередь, поразил именно кейнсианские концепции государственного воздействия на экономику через совокупный спрос. Конец 70-х – начало 80-х гг. – это период доминирования неоконсерватизма (в первую очередь, речь идёт о таком влиятельном его течении как *монетаризм*, получившим широкое распространение в середине 70-х гг.).

Можно согласиться с С. В. Любимовой в том, что неолиберальная модель развития (модель экономического роста, точнее говоря) была навязана в 80-х годах многим развитым (и большинству развивающихся) стран при активнейшей поддержке финансового капитала группы ведущих развитых держав и политическом давлении правящих кругов этих же стран [13, с. 150-152].

«Их усилиями, – подчеркивает С. В. Любимова, – на базе идеальной (абстрактной) теоретической модели конкурентного рынка были созданы мифы. Во-первых, о том, что рыночная система – «неизменная внеисторическая конструкция», имеющая «одинаковые предпосылки и результаты функционирования во все эпохи для всех стран и народов». Во-вторых, что образцом этой системы являются развитые страны во главе с США. В-третьих, что развитые страны, оказывая теоретическую и практическую помощь, «повлекут» за собой страны развивающиеся и страны «третьего мира». В-четвёртых, что развитие мировой экономики есть объективный процесс, что это – позитивное явление, одинаково выгодное всем; т.е. глобализация неизбежна и благотворна» [Там же, с. 153].

Здесь уместно вспомнить определения, которые дал Стивен Роузфилд понятиям «глобализация» и «невидимая рука»: «глобализация – гипотеза о том, что универсальные принципы функционирования, базирующиеся на конкуренции рыночной экономики, будут определять экономическое поведение во всем мире»; «невидимая рука» – «внешне незаметная деятельность рынка, регулирующая размещение ресурсов, производство и сбыт товаров и услуг» (по этому поводу Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г., пошутил: «Почему так много говорят о «невидимой руке»? Да потому, что её никто и нигде не видел») [20, с. 414-421].

Так или иначе, но «свободное экономическое развитие», как говорит С. В. Любимова, «проталкивали как нечто обязательное, чему не должно сопротивляться, поскольку в противном случае ты становишься *идеологическим врагом* цивилизации, мира, счастья людей на земле. С этого момента неолиберальная модель приобрела форму непоколебимого догмата. Сформировалось представление об её безальтернативности как наиболее эффективной модели перспективного развития экономики стран мира» [13, с. 153]. Хотя на самом деле, к настоящему моменту неолиберальная парадигма развития не является единственной, а находится в довольно широком перечне других парадигм.

Таким образом, можно констатировать, что представления о внеидеологическом характере глобализационных процессов тоже своего рода миф, а в основе концепции глобальной экономики лежит идеология неолиберализма.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004.
2. Гукасян Г. М. Экономическая теория: проблемы «новой экономики». СПб., 2003.
3. Гурова И. Л. Мировая экономика и международные экономические отношения. М., 2003.
4. Динкевич А. И. Новая экономика: методология и модели. М.: РЭА им Г. В. Плеханова, 2010.
5. Иноземцев В. Л. Книгочей // Библиотека современной обществоведческой литературы в рецензиях. М., 2005.
6. Иноземцев В. Л. Постиндустриальный мир Дениэла Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004.
7. Иноземцев В. Л. Пределы «Догоняющего развития». М., 2000.
8. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999.
9. История экономических учений: современный этап / под ред. А. Г. Худокормова. М., 2004.
10. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991.
11. Кочетов Э. Г. Геоэкономика: освоение мирового экономического пространства. М., 2006.
12. Кочетов Э. Г. Глобалистика: теория, методология, практика. М., 2002.
13. Любимова С. В. Трансформация экономических систем. М., 2003.
14. Мамедов О. Ю. Политическая экономия. Ростов-на-Дону, 1999.

15. Мельянец В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2.
16. Мюрдаль Г. Драма Азии: исследование нищеты народов. М.: Прогресс, 1972.
17. Пилипенко А. В. Конкуренциоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. М., 2005.
18. Политическая экономия / под ред. М. И. Волкова и др. М., 1983.
19. Политэкономический словарь / под ред. Е. Ф. Борисова, В. А. Жамина, М. Ф. Макаровой. М., 1972.
20. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: культура, богатство и власть в XXI веке. М., 2004.
21. Румянцев Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М., 2005.
22. Стрелец И. А. Новая экономика и информационные технологии. М., 2003.
23. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
24. Чистилин Д. К. Самоорганизация мировой экономики: евразийский аспект. М., 2004.
25. Экономический словарь / под ред. А. И. Анисимова. М., 2004.
26. Экономический словарь / под ред. А. И. Архипова. М., 2004.

COMING WORLD CONTOURS: POST-INDUSTRIAL SOCIETY FORMATION IN THE XXIST CENTURY

Yurii Nikitovich Moseikin, Ph. D. in Economics, Associate Professor

*Department of Macro-Economic Regulation and Planning
Russian University of Peoples' Friendship
y.moseykin@rudn.ru*

In the article the analysis of the theoretical conceptions evolution of the post-industrial society formation is carried out, the review of modern Russian researchers' opinions concerning different aspects of the creation of the basics of the transition to new, post-industrial development stages is given, the characteristics of economics globalization process factors and driving forces are presented, international financial capital role in determining the conditions of the interaction with peripheral countries on the basis of the imposed neo-liberal development paradigm is revealed.

Key words and phrases: post-industrial society; dual system "nucleus-periphery"; peripheral countries; global economy; globalization; neo-liberalism; international financial capital.

УДК 78.08

В статье рассмотрена типология использованных композиторами литературных текстов (слова) в инструментальном музыкальном произведении. Синтез литературного и музыкального текстов в рамках одного композиторского опуса обусловлен общим стремлением современности к синтезу искусств. Каждый из четырех представленных типов имеет в арсенале композиторского творчества ряд примеров, анализу которых и посвящена статья.

Ключевые слова и фразы: современная музыка; синтез искусств; музыка и литература; инструментальная композиция со словом как музыкальный жанр.

Владислав Олегович Петров, канд. искусствоведения
*Кафедра теории и истории музыки
Астраханская государственная консерватория (академия)
petrovagk@yandex.ru*

СЛОВО В ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ: ТИПОЛОГИЯ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ[©]

Инструментальная сфера с входящими в нее специфическими жанрами, такими как, например, симфония, концерт, соната, во второй половине XX столетия претерпевает ряд стилистических изменений. Речь идет не о серийности, пуантилизме, алеаторике, логичным образом проявившихся во всех сферах музыкального искусства в целом, а о взаимоотношении музыкального начала с началом литературным. Многие из инструментальных произведений рассматриваемого времени включают в себя литературные тексты в том или ином виде. Приведем четыре типа интегрирования текстов в структуру музыкального опуса:

1. текст выписан в партитуре, но не произносится;
2. текст исполняется как профессиональными вокалистами, так и инструменталистами (происходит прием «перераспределения ролей», инструментальная партия включает в себя пение или декламацию);
3. текст исполняется только профессиональными вокалистами (расширение исполнительских возможностей в рамках, например, жанра симфонии);